

Анна Шнайдер

Ты меня предал

<https://litres.ru/74204712>

Аннотация

Три года назад муж ушёл от меня к другой женщине. Я, собрав себя по осколкам, вытравила его из собственного сердца, похоронила всё, что было связано с Павлом. Понятия не имею, что могло ему понадобиться сразу после наступления Нового года. Зачем он звонит мне через пару минут после полуночи?..

Обсуждение героев в комментариях приветствуется, но переход на личности будет пресекаться)

Содержание

Пролог	4
1	8
2	15
3	21
4	29
5	33
6	37
7	40
8	45
9	49
10	56
11	60
12	66
13	72
14	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Пролог

Я прижимаю обе ладони к животу и молюсь. Сейчас самое время: часы только что пробили полночь, и наступило первое января. В Новый год принято загадывать желание, и моё самое заветное и есть эта молитва.

Господи, помоги мне родить ребёнка.

Больше я ничего не прошу. Ни любви, ни счастья, ни денег, ни даже здоровья, хотя мне, как и любой матери, хочется, чтобы мой малыш родился здоровым. Но я выдержу, выстою, если этого не случится, главное — чтобы вообще родился. Я так долго этого жду, и вот — тридцать первого декабря ранним утром тест наконец показал две полоски. Чудо, настоящее новогоднее чудо, которое я безумно боюсь потерять.

За окном валит снег, такой белый, пушистый и чистый, словно прямиком из сказочного леса. Я и чувствую сейчас себя как в сказке, но разве могу иначе? Скоро десять лет, как я пытаюсь забеременеть, и трудно считать случившееся не чудом. Моим чудом, чудом врачей — неважно. Мы сделали это вместе, и я сразу поделилась новостью со всеми своими докторами. Они переживали за меня, как за родную, они этого заслуживают.

Двор обрастает сугробами, машины замечает по самой крышу, а я стою и тихо плачу от счастья, глядя на оконное

стекло, на котором медленно тают пушистые снежинки. На улице нет ни одного человека, зато за стенами слышны голоса, музыка, смех — счастливый и беспечный. Всё это удивительным образом откликается во мне — и этот снег, белый и искрящийся серебром, и искренний счастливый смех, пусть и чужой. И я тоже готова смеяться, несмотря на слёзы.

Впервые за последние три года мне хорошо и светло, впервые нет ощущения, что передо мной разверзлась бездна и я падаю туда на бешеной скорости. Потерявшая всё, больная, слепая, глухая и глупая, с вырванным сердцем.

Телефон лежит на подоконнике и начинает звонить как раз в тот момент, когда я вытираю мокрые щёки и легко улыбаюсь. Я кошусь на экран — кто это может быть? У меня совсем не осталось настолько близких людей, которые захотели бы позвонить в Новый год, сразу после полуночи. Есть пара подруг, но они вполне ограничатся сообщениями в мессенджерах, а мама умерла год назад. Неужели спам?

Замираю. Улыбка тает на губах, как снег на оконном стекле.

Не спам. Павел.

Да, так и написано — Павел. Я три года не видела это имя на экране своего телефона и думала, что не увижу больше никогда. Мы расстались спокойно, я отпустила его без истерик и претензий, но это было только внешне. Внутри же всё бушевало, и мне потребовалось много времени, чтобы прийти в себя после его предательства и начать жить дальше.

По сути, я только сегодня и начала это «дальше», увидев две полоски на тесте. И мне бы не хотелось, чтобы Павел разрушил моё спокойное эмоциональное состояние своим звонком. Что ему может быть нужно? Мы давно стали друг другу чужими. Или он напился на Новый год и решил позвонить бывшей жене, как в дурном любовном романе или дурацком анекдоте? Я не хочу быть героиней ни того, ни другого.

Трубку не взяла, но настроение испортилось. В сердце поселилось беспокойство. Может, что-то со свекровью? Любовь Андреевна хорошо ко мне относилась и перенесла наш разрыв очень болезненно, хотя подробностей я не знаю. Я перестала общаться с ней сразу после развода, не могла видеть и слышать любого человека, который мог напомнить мне о Паше. О Павле. Теперь я называю его только полным именем.

Он позвонил во второй раз спустя несколько минут, когда я начала жалеть, что не взяла трубку. Павел не пьёт, и, как бы я к нему ни относилась после его подлого предательства, он не станет звонить мне просто ради того, чтобы по какой-то причине поглумиться. Надо ответить на звонок, хоть и не хочется впускать бывшего мужа в свою жизнь даже на минуту. Особенно теперь, когда я наконец беременна.

— Алло.

В трубке несколько мгновений стояла полнейшая тишина, и я испуганно прижала свободную ладонь к животу. Не надо нервничать, не надо. Мне сейчас нужно думать только

о ребёнке, а не о том, что могло случиться у Павла, чёрт бы его подрал.

— Дина...

Его голос дрожал, то ли от удивления, то ли от испуга. Но меня не волновало то, что он чувствует, я лишь хотела поскорее узнать, что ему нужно.

— Зачем ты звонишь?

В отличие от его дрожащего голоса, мой был резким.

— Я... — Павел сипло вздохнул. — Хотел поздравить тебя с Новым годом, Динь.

Я поморщилась. Мало того, что напугал, так ещё и использует это имя — Динь. Он меня так называл когда-то, но то время безвозвратно прошло.

— Не называй меня так, пожалуйста. Тебя тоже с Новым годом. Это всё?

Я надеялась, что Павел скажет «да» и положит уже наконец трубку, но он, помолчав мгновение, негромко произнёс:

— Нет. Я хочу с тобой встретиться. Это важно.

Дина

Я сидела в кафе и гипнотизировала тяжёлым взглядом чайник с фруктовым чаем, который заказала, ожидая Павла. Есть не хотелось, несмотря на то что токсикоз у меня ещё не начался, кофе я никогда не любила, чёрный чай пить опасалась — вдруг навредит ребёнку? Теперь я много всего перестала делать и есть, просто на всякий случай. С меня не убудет. Но от фруктового чая с аппетитным описанием про летнюю малину, северную кислую клюкву и морозную мяту отказаться не смогла. И теперь ждала, пока он заварится, глотая слюны и непроизвольно стискивая в кулаке кипенно-белую бумажную салфетку.

Зачем я согласилась на эту встречу? Поначалу я и сама не могла понять. Целых три дня, прошедших после празднования Нового года, не понимала, да и не анализировала особо, занималась только собой, отставив в сторону самокопания. После развода я научилась это делать. Иногда, чтобы выжить, следует перестать мыслить критически, и я это умела. Спала, ела, готовила всяческие лёгкие вкусняшки три раза в сутки, гуляла в заснеженном парке, читала позитивные книги и смотрела комедии. Ничего слёзовыжимательного, сплошной позитив. И вообще не читала новости. И не

думала о Павле. А если он всё же пробирался в мои мысли, я нещадно гнала его оттуда, как и все предыдущие три года.

Но сегодня мне пришлось думать о нём, я же ждала сейчас именно его. Поэтому разгадка моего согласия на встречу нашлась быстро. Мне было интересно — нет, не что скажет бывший муж, а действительно ли я вылечилась от любви к нему, как от рака. Я так воспринимала свои чувства к Павлу — как опухоль, которую следует победить. Вырезать, облупить, заесть таблетками и никогда больше не вспоминать о ней. И пока Павла не было рядом, я легко верила в то, что здорова, но если он появится на горизонте?

Нет, я не мазохистка. Я просто привыкла быть честной по отношению к себе. И если чувства остались, значит, мне вновь понадобится помощь хирургического скальпеля, потому что я не желаю жить с дырой вместо сердца.

Я подняла голову, оторвавшись от созерцания вспотевшего белого чайника, и посмотрела за окно-витрину, на улицу, по которой в обе стороны сновали прохожие. Снегопад продолжался, превращая дороги в бело-серое месиво, и большинство людей кутались в шарфы и натягивали капюшоны, прячась от колючих морозных снежинок.

Он потому и привлёк моё внимание, что стоял без шапки, шарфа и перчаток. Стоял в стороне, там, где располагался вход в кафе, и жадно, как-то нервно курил, выпуская в воздух струи дыма пополам с паром. Сердце не дрогнуло и не зашло, хотя я узнала бывшего мужа. Странно было бы, ес-

ли бы не узнала. Вот только раньше Павел не курил, да что там говорить — даже не пробовал никогда. А теперь я сидела и смотрела, как он сжимает пальцами тонкую и длинную сигарету, подносит её ко рту, и на кончике вспыхивает яркий огонёк.

Я изучала бывшего мужа, пытаюсь понять, что чувствую к нему. Было ли мне любопытно, почему он начал курить? Ни капли. Хотелось ли мне коснуться ладонью его чуть небритой щеки, как раньше, ощутить тепло кожи? Абсолютно нет. Мечтала ли я о том, чтобы он попросил прощения, сказал, что жалеет и вообще на самом деле до сих пор безумно любит меня? Ни за что.

Я самой себе казалась голой пустыней, безжизненной землёй, на которой ничто не способно больше прорасти — ни любовь, ни жалость, ни даже лёгкое любопытство. Павел был для меня пеплом, который можно лишь развеять по ветру — больше ни для чего он не годен, бесполезен.

Наконец бывший муж выбросил сигарету в пепельницу, дрожащей ладонью взъерошил ёжик коротких тёмных волос, провёл по лицу, будто вытирая слёзы. Хотя, конечно, не слёзы — растаявший и превратившийся в воду снег. Развернулся и вошёл в кафе.

Я непроизвольно выпрямилась, глядя в сторону входа. Потом всё же отвела взгляд и налила себе чаю. Малиново-алый... на кровь не похож, скорее, на густой компот. Пожалуй, стоит попробовать.

Сделала маленький глоток. Горячо, но не обжигает, и вкус яркий, насыщенный, не кислый, а скорее кисло-сладкий, приятный. К такому чаю хорошо бы подошло мороженое, но зимой я его не ем — иначе сразу заболевает горло. Может, сырники заказать? В меню точно были. С сырниками тоже будет вкусно.

— Привет.

Я моргнула и подняла голову. Да, не более чем за минуту, пробуя чай и рассуждая о нём же, я умудрилась забыть о Павле напрочь. Так и выживала все три года без него, после того как он меня предал.

— Привет, — ответила ровным голосом, окинув фигуру бывшего мужа быстрым взглядом. Новое чёрное пальто, я такого у него не помню, и сидит оно как-то иначе — похудел он, что ли? А вот волосы прежние, короткие и взъерошенные, только теперь не совсем тёмные, а словно полуседые. Или это снег не до конца растаял?

И глаза, конечно, прежние, серо-голубые, и широкие брови так же низко нависают над ними. А вот на лбу появились вертикальные морщины — три года назад их не было.

Больше всего во внешности Павла я когда-то любила глубокую ямочку на подбородке, как у актёра Бена Аффлекa. Касалась её, целовала, смеялась и говорила, что мужа перед рождением кто-то ткнул пальцем в подбородок на счастье и удачу.

Да... глупая была и наивная, влюблённая по уши Динь.

Павел снял пальто, повесив его на вешалку неподалеку от нашего столика. Одёрнул светлый вязаный свитер — его я как раз узнала, сама покупала в подарок, — и я поняла, что бывший муж действительно сильно похудел. И свитер, и джинсы — всё висело на нём, будто было на пару размеров больше.

Но меня это совсем не побеспокоило, я просто отметила факт, как бывает, когда видишь на улице сбросившего вес соседа. Да, молодец, похудел, спортом занимался или болел, какая разница? Не волнует. Не больше, чем бывшие и нынешние мужья Анджелины Джоли.

— Что пьёшь? — спросил Павел нейтральным тоном, садясь напротив. Он тоже смотрел на меня, но его взгляд не был таким же нейтральным, как голос. Я не знала, каким был этот взгляд, предпочитала не анализировать, но то, что мне под ним стало неуютно, — это точно.

— Фруктовый чай.

Павел поколебался, полистал меню. Видимо, хотел, как и прежде, взять со стола вторую чашку — а она тут стояла — и налить себе чаю из моего чайника. Вот только я не предлагала, а он не спрашивал. Спросил бы — разрешила. Что мне, чаю жалко? Я всё равно столько не выпью, а если выпью, до дома не дотерплю.

Заказал в итоге кофе, капучино. Это тоже было странно, как и сигареты на крыльце кафе, — раньше Павел пил кофе, как и я, раз в месяц, и никогда не делал этого в кафе. Ва-

рил дома в турке по какому-то своему рецепту, очень сладкий кофе с корицей и сливками, и пил из маленькой белой чашечки. Он её не забрал тогда с собой, и я, подождав пару недель для очистки совести, выбросила её. Как и турку, впрочем. И много чего ещё из оставленных им вещей.

Я сделала глоток чаю, потом ещё один и, как раз когда ставила чашку на блюдце, услышала вопрос, сказанный тихим и словно неуверенным голосом:

— Как ты?

Подняла глаза, посмотрела на бывшего мужа. Он дико нервничал, я видела это так же ясно, как и снег за окном. Когда Павел нервничал, у него всегда чуть дёргались мышцы на лице, создавая ощущение нервного тика. Вот только подобное случалось с ним лишь в минуты крайнего, почти запредельного волнения.

И что его настолько волнует сейчас? Ну не я же.

— Отлично.

Я замолчала и сделала ещё один глоток из чашки, а Павел продолжал сидеть и смотреть на меня. Хоть бы он уже поскорее сказал то, ради чего позвал меня в это кафе, а потом я уйду и больше никогда его не увижу. И вообще у меня там книжка интересная не дочитана...

— Ты прекрасно выглядишь, Динь, — произнёс Павел чуть хрипло, и я выдохнула, почти сражённая внезапно вспыхнувшим раздражением.

Так, Дина, спокойно, ты беременна, тебе нельзя волно-

ваться. И плевать на то, что выглядишь ты сейчас как жёванный башмак, а вовсе не прекрасно, и вообще называть тебя «Динь» этот мужчина давно не имеет права — плевать на всё. Главное — ребёнок.

— Спасибо.

И вновь молчание. Тяжёлое и такое вязкое, тягучее, будто между нами потерялись и повисли миллионы слов, и теперь не могут найти дорогу обратно.

Боже, Дина, что за образы, о чём ты, какие слова? Тебе не нужно от Павла никаких слов.

Принесли его кофе, и бывший муж сразу, почти залпом, выпил половину, как коньяк в глотку захлестнул. Поставил на стол чашку, я проследила за этим движением и нахмурилась, поняв, что мне не чудится и у Павла действительно слегка дрожат руки.

Он пить, что ли, начал? Не пил же никогда, даже по праздникам. Из-за того что однажды, когда Павлу было двадцать, его отец погиб, сев за руль пьяным. Тогда Павел пообещал и себе, и матери, что не будет пить вовсе. Машину ему приходилось водить долго и часто, и обещание пригодились.

Нет, ерунда, не мог Павел начать пить, Любовь Андреевна не позволила бы. Тогда почему у него трясутся руки?

Он вновь повторил этот жест, как на крыльце кафе, потеряв ладонями лицо, будто стирая лишние эмоции. Отнял руки от лица, положил их на стол перед собой и наконец заговорил.

Дина

— Я знаю, что это кажется нелепым, но... Динь, я хочу попросить у тебя прощения. За всё. Ты можешь ничего не отвечать, не нужно, я понимаю, что... — Павел тяжело вздохнул, отводя глаза. — Это важно для меня. Я тогда просто ушёл, ничего толком не объяснив, потому что...

— Не надо сейчас ничего объяснять, — резко перебила его, вновь испытывая раздражение. Какое ещё «хочу попросить у тебя прощения»? Может, убийцам тоже просить прощения у родственников жертв? По абсурдности это приблизительно такой же поступок. — Всё в прошлом. Мы расстались и живём дальше, каждый собственной жизнью. Если тебя по какой-то причине мучает совесть, или, не знаю, что там у тебя есть вместо неё, то утешься — мне давно безразлично то, что случилось три года назад. Выкинь из головы эту чушь и возвращайся к жене и ребёнку.

Павел вздохнул, сглотнул, и его щека снова нервно дёрнулась.

— Нет никакой жены и ребёнка, — сказал он негромко, глядя на меня с каким-то звериным отчаянием. — Нет, Динь.

Я недоуменно моргала, не понимая, что за странное при-

знание сейчас услышала.

Как это — нет? А к кому он тогда ушёл? Он же сказал, что завёл себе бабу и она от него забеременела. Пошутил, что ли? И когда пошутил — тогда или сейчас?

— А куда они делись? — спросила я, сама не осознавая, зачем спрашиваю. И предположила: — Ты развёлся? Второй раз?

Это было глупо, ведь даже если развёлся, ребёнок-то должен остаться. И в целом не стоило спрашивать, ну какая мне разница? Развёлся Павел, как его жену вообще звали, кто у них в итоге родился — плевать. С высокой колокольни плевать!

И я уже открыла рот, чтобы это сказать и попрощаться, когда Павел неожиданно признался:

— Я и не женился. Соня родилась на двадцать четвёртой неделе, она весила всего шестьсот граммов. — Я задохнулась, пытаюсь справиться с волной тошноты и безумного ужаса, а бывший муж между тем продолжал меня добивать: — Она прожила только две недели... И потом...

Всё. Я зажала обеими ладонями рот, вскакивая из-за стола, и помчалась по направлению к туалету. Благо я помнила, где он находится, — заходила туда перед встречей с Павлом.

Забегала, даже не заметив, закрылась ли дверь, и склонилась над унитазом, извергая из себя весь выпитый чай.

Господи, какой кошмар... Шестьсот граммов! Двадцать четыре недели! Господи!

Меня трясло от страха так, что зубы стучали. Павел умудрился озвучить то, чего я боялась больше всего на свете. И зачем я вообще пошла на встречу с ним? Надо было дома сидеть и учиться вязать пинетки!

Я встала, покачиваясь, но потом всё же села на унитаз, закрыв ладонями лицо и глубоко дыша распахнутым ртом, пытаюсь унять панику. Спокойнее, Дина, спокойнее... Совершенно не обязательно, что то же самое случится с твоим ребёнком, абсолютно не обязательно. Тысячи детей на этой планете рождаются недоношенными, не только дочка Павла. И ты про них знаешь, так почему отреагировала настолько резко именно на его рассказ? Этот ребёнок не первый и не последний. И кого-то из этих детей спасают, и процент выживаемости там, на самом деле, уже довольно высок, наука не стоит на месте.

Постепенно я успокаивалась, дыхание выравнивалось, сердце перестало колотиться. Я хорошо умела контролировать собственные чувства и легко уговаривала себя не переживать, мне пришлось этому научиться, иначе я бы попросту свихнулась. И сегодня навыки в очередной разгодились.

Я поднялась, покосилась на дверь — захлопнута, но не закрыта, щеколда свободно болтается. Повезло, что до сих пор никто не вошёл.

Видимо, мои мысли были слишком громкими, потому что мгновение спустя дверь осторожно приоткрылась и в туалет шагнул обеспокоенный Павел.

— Ты совсем? — прохрипела я. Голос после недавнего опорожнения желудка звучал напряжённо, и горло саднило.
— Выйди.

— Я волновался, — сказал бывший муж спокойно, разглядывая моё наверняка бледно-зелёное лицо. Я поморщилась и отвернулась от Павла, посмотрела в зеркало — да, трупы и то симпатичнее. Кожа не бледно-зелёная, а какая-то серая, на лбу мелкие бисеринки пота, сухие губы, лихорадочно блестящие глаза, на голубом вязаном свитере — следы рвоты. Павел меня и не такой видел за семь лет брака, но всё же показываться ему сейчас в подобном состоянии было неприятно. Ещё и потому, что у него наверняка возникнут лишние вопросы, отвечать на которые мне не хотелось совсем. И врать в том числе. Я слишком суеверно отношусь к собственной беременности, чтобы убеждать даже посторонних людей — а Павел для меня был посторонним — в том, что её нет.

Повернула кран, наклонилась и попрыскала ледяной водой в лицо. Стало легче, хотя всё ещё тошнило. Выпрямилась, оглядела пострадавший свитер и потянулась за бумажными полотенцами.

— Подожди, давай я. — Павел развернул меня лицом к себе. В руках у него были невесть откуда взявшиеся влажные салфетки, подозрительно похожие на мои. Он проследил за моим взглядом и серьёзно кивнул, ничуть не смутившись.
— Да, взял из твоей сумки. Знаю же, что ты всегда с собой

носишь.

Краткая вспышка раздражения помешала решительно за-протестовать, когда Павел одной рукой начал оттирать влажной салфеткой пятна с моего свитера, а другой — натягивал ткань, взявшись за край одежды.

Дикость какая-то. Он в своём уме вообще? Ну мало ли, всё же смерть ребёнка...

Резко затошнило, и я задышала чаще, вновь покрывшись ледяным потом и ощущая, как по телу бегут противные и до ужаса колючие мурашки.

— Плохо? — Павел перестал чистить свитер, подхватил меня под руки и почти силой усадил на унитаз. — Сядь. Может, скорую вызвать?

— Не надо. — Я вздохнула. Тошнота постепенно унималась. — Лучше просто выйди и закрой дверь.

— Нет, Динь. — Павел сел рядом на корточки и заглянул мне в глаза, словно пытаясь что-то в них прочесть. — Я тебя не оставлю. А если ты в обморок упадёшь? Не нужно так рисковать. Ты же беременна, правильно я понимаю?

Я не могла ответить «нет», просто не могла. Плевать, пусть бывший муж узнает о моей беременности, это лучше, чем соврать, отрицая то, что являлось для меня Божьим чудом.

— Да.

Он выдохнул, и я недоуменно моргнула, не понимая, действительно ли вижу то, что вижу, или мне кажется?

Лицо Павла на мгновение преобразилось, словно осветившись каким-то внутренним добрым светом. Его губ коснулась улыбка, мимолётная и тихая, как касание крыльев бабочки, глаза на секунду вспыхнули радостью. Он действительно будто был рад за меня. Искренне, по-настоящему, как если бы я до сих пор была ему не чужим человеком, а его родной Динь, его маленькой феей, его ангелом-хранителем. А он — моим.

— Какой срок? — спросил Павел тихо, почти прошептал, и голос показался мне полным благоговения.

Нет, ерунда, не может быть такого. Это всё моя неуёмная фантазия. А может, и подсознательное желание того, чтобы бывший муж хотя бы желал мне счастья. В конце концов, я же ему желаю, почему бы и Павлу не ответить взаимностью?

Дина

— Я пока не знаю, сейчас же только третье января, негде делать УЗИ. Клиника, в которой я наблюдаюсь, открывается пятого числа, схожу и выясню.

Понятия не имею, почему я настолько многословно ответила, можно было просто сказать: «Не знаю», и всё. Но беременность — это, пожалуй, единственное, о чём я была способна сейчас разговаривать, потому что только она меня и волновала.

— Ты по-прежнему у Ирины Сергеевны? — назвал Павел имя моего врача, вместе с которой мы пытались зачать последние три года нашего брака, до этого я была перебежчиком, искала нормального гинеколога. Только у Ирины Сергеевны получилось справиться со всеми моими проблемами, но перед изменой и уходом мужа даже она оказалась бесильна. Поэтому...

— Нет, не у неё.

Это было не совсем правдой — Ирина Сергеевна Верховская по-прежнему наблюдала меня, но дистанционно. На приёмы же я ходила в клинику, где мне делали ЭКО. К врачу, которому передала меня Верховская, когда стало понятно, что естественным путём забеременеть не получится. И

она же сделала всё, чтобы я получила возможность пройти ЭКО бесплатно хотя бы частично.

Павел явно удивился. Ещё бы, он же знал, как я дорожила Ириной Сергеевной. Открыл рот, чтобы задать следующий вопрос, но я его перебила.

— Пойдём. Мне уже лучше. Не стоит занимать туалет так долго, он может кому-нибудь понадобиться.

Павел кивнул и встал с корточек, подал мне руку. Я её проигнорировала, поднявшись сама, и проследовала к выходу.

Уже за дверью, медленно шагая к нашему столику, осознала, что допить чай не смогу. Не после того, как меня им полоскало. Лучше просто воды и домой поскорее, тем более что наша встреча с Павлом как-то умудрилась выкатиться за рамки формальной, и мне это не нравилось.

— Принесите счёт, — попросила я официантку, садясь за стол. — И стакан воды, пожалуйста.

— Вам посчитать вместе или по отдельности? — поинтересовалась девочка, глядя на Павла с восхищением. Интересно, чем он успел её покорить? Тем, что стащил из моей сумки салфетки?

Ответить «по отдельности» я не успела.

— Вместе, — отрезал Павел, кинув на меня упрямый взгляд. Я не стала спорить, только лишние волнения для организма. Хочет он заплатить мои триста рублей за чай — пусть платит. Не обеднеет.

Пока ждали счёт, молчали. Я цедила воду мелкими глотками, Павел смотрел в окно на улицу, занесённую снегом. Снегопад продолжался, и прохожие редели, предпочитая отсиживаться в кафешках. И потом, когда Павел прикладывал к терминалу банковскую карточку и вкладывал в папку чайные, мы тоже не разговаривали. Но, как только официантка ушла, бывший муж неожиданно заявил:

— Я тебя отвезу.

Я вскинула брови.

— Что, прости? — переспросила с недоумением.

— Я тебя отвезу, — с нажимом повторил Павел. Опять на его лице появился тот упрямый взгляд, которым он окинул меня, попросив общий счёт. Я хорошо изучила такую его реакцию за годы брака — обычно она означала, что сопротивляться бесполезно. Но не в этом случае. Последние минуты я просто мечтала скорее отделаться от Павла, и желательно — отделаться до конца жизни, а он предлагает мне ещё с час по пробкам трястись до дома?

— Давай не будем перегибать. Мы встретились, поговорили, ты сказал всё, что планировал. Теперь расходимся, и желательно...

«Больше не видеться» я не договорила.

— Послушай, Динь. — Я поморщилась, в очередной раз услышав это обращение. Понимаю, привычка, но можно же как-то себя контролировать? Я же больше не зову его Пашей. Причём даже мысленно. — Я всё понимаю, но просто

не могу позволить тебе спуститься в метро. А если ты поскользнёшься и упадёшь? А если тебя кто-нибудь случайно в живот толкнёт, такое же бывает. А если наткнёшься на приставучую пьяную компанию? Я знаю, ты мечтаешь от меня отделаться, но давай будем рассуждать разумно. Безопаснее поехать домой на моей машине.

Рассуждать разумно, значит...

— По статистике, автомобильные аварии... — начала я, но вновь не договорила.

— Я хорошо вожу, Динь. Ты же помнишь. Пожалуйста, не упрямься. Тебя это ни к чему не обязывает. Если хочешь, сядь сзади и вообще всю дорогу ни слова мне не говори.

Ладно, чёрт с ним. Действительно проще согласиться, да и прав Павел — мало ли что? Ребёнок мне дороже отчаянного желания поскорее оказаться от бывшего мужа как можно дальше, лучше на разных планетах.

Павел помог надеть куртку, никак не прокомментировав тот факт, что за три года я умудрилась не сменить гардероб, и вывел из кафе, придерживая под локоть. Только оказавшись на улице, я поняла, что если бы поехала домой на метро, как собиралась, то, пожалуй, обязательно бы грохнулась на подступах — настолько тяжело было передвигаться по смеси из снега, грязи и соли, под которой был ещё и слой льда. Неловко поставишь ногу — и поедешь ею вперёд, а корпусом назад. В общем, хорошо, что Павел меня отвезёт. Безопасность превыше всего.

На заднее сиденье я забираться не стала, опасаясь, что меня начнёт тошнить. Села рядом с бывшим мужем. Окинула взглядом салон — машина была той же самой, Павел купил её за пару лет до развода. Ну, или это точно такая же машина, с той же отделкой из искусственной кожи.

Павел вырулил со стоянки и поехал по проспекту. Водил он плавно и внимательно, это признавала даже моя мама, которая терпеть не могла машины и боялась в них ездить. С Павлом не боялась и ездила.

И его предательство подкосило её ничуть не меньше, чем меня.

Как бывший муж и предлагал, я молчала всю дорогу. Да и не хотелось мне разговаривать — о чём? Павел не был мне интересен. Единственное, что я могла бы спросить: как поживает Любовь Андреевна, но даже это просто из врождённой вежливости. Какая разница, как она поживает? Бывший муж, бывшая свекровь — чужие люди.

— Кто гуляет с Кнопой? — неожиданно поинтересовался Павел, и я мотнула головой, пытаюсь осознать вопрос. Не получилось.

— В каком смысле — кто? — Я нахмурилась и посмотрела на собеседника с недоумением. — А есть варианты?

— Не знаю. Но хочу узнать. Потому что тебе, Динь, лучше не гулять сейчас с собакой, и ты сама понимаешь почему.

Я уже открыла рот, чтобы узнать почему, но почти тут же его закрыла.

И вновь Павел прав. Каждую зиму я хоть раз, но падала из-за Кнопы, которая порой тянула поводок, завидев какую-нибудь знакомую собачку. Сама Кнопа была не слишком крупной дворняжкой — помесь со спаниелем, чёрная с белой грудкой и немного лохматая, — но, когда стремилась пообщаться с другом или подружкой, превращалась в целого слона на верёвочке.

— У меня нет других вариантов. — Я пожала плечами и пообещала самой себе, что буду аккуратнее. Вообще надо будет немного изменить Кнопе график выгула, чтобы гулять в другое время, когда на улице меньше собак. Или даже поискать человека, который смог бы выходить с ней хотя бы раз в день, а второй выгул будет на мне.

— Тогда я её выведу.

Я медленно повернулась к Павлу, невозмутимому и незыблемому, как скала посреди бушующего океана. Он будто бы не сказал ничего удивительного или странного, так, мелочь какую-то. Подумаешь, ставит меня перед фактом, что выведет погулять мою собаку.

Мою. Собаку.

— Давай сделаем вид, что я этого не слышала, — процедила я, вновь отворачиваясь. Павел, который из-за чего-то нервничал и трясся в кафе, ушёл в прошлое, и теперь рядом сидел всё тот же уверенный в себе и спокойный мужчина, который был когда-то моим.

— Динь...

— И вот этого я не слышала тоже, — почти прорычала я, сцепляя руки в замок. Спокойнее, спокойнее! — Я уже говорила тебе: не называй меня так. Ты не имеешь права. Ты меня предал!

Это было... почти истерично. И я поморщилась, открывая рот, глубоко дыша и пытаясь прогнать внезапно выступившие на глазах слёзы.

Эмоции... значит, они во мне всё-таки есть. Плохо.

Павел не стал отвечать, и мы доехали до моего дома в полнейшей тишине. Он припарковался во дворе, и я выскочила из машины, посеменила к подъезду, стараясь не реагировать на ненавязчивое прикосновение к локтю. Павел придерживал меня, чтобы не упала.

Зашёл в лифт, доехал вместе со мной на шестой этаж, и уже на площадке я сказала:

— Иди.

Он покачал головой. Опять этот упрямый до железобетонности взгляд...

— Я выведу Кнопу. А потом уйду, обещаю.

Во мне ярко и непримиримо в который раз за этот день вспыхнуло раздражение, но я его погасила усилием воли.

Ладно, пусть делает, что хочет. Пошёл в баню. Не хватает ещё из-за этой нервотрёпки в больницу загреметь.

Я повернулась к двери, открыла её — и сразу успокоилась, заметив Кнопу, которая стояла на пороге с восторженным видом и крутила виляющим хвостом, как пропеллером.

Счастливая до безобразия, с полным обожания взглядом, направленным, увы, не на меня.

Я не смотрела, как Павел гладил её, нащёптывая на уши какие-то нежности. Села на пуф, наклонилась и уже хотела расстегнуть молнию на сапогах, как бывший муж, отодвинув в сторону Кнопку, опустился рядом на колени и сделал всё сам. Расстегнул обе молнии, снял с меня сапоги, нашёл и подал тапочки. Потом помог подняться с пуфа, стянул с меня куртку и повесил её на вешалку. Всё привычными, ни капли не забытыми жестами, от которых мне стало почти физически плохо.

Я не сказала даже банального «спасибо», просто сбежала из коридора на кухню. Там уселась на табуретку и настороженно прислушалась к звукам, которые доносились из прихожей.

Павел сам нашёл шлейку, поводок — впрочем, всё лежало на тех же местах, что и раньше, — экипировал Кнопку, произнёс негромкое: «Гулять» — и вышел из квартиры.

Павел

Снег всё валил и валил, и создавалось впечатление, что январь решил отыгаться за почти бесснежный декабрь. Машины, стоявшие во дворе с утра, замело уже по самую крышу, и, если снегопад продлится ещё хотя бы пару часов, выйти из подъезда будет проблематично. Павел и так с трудом открыл дверь — её залепило снегом буквально за пару минут, пока он отводил Динь в квартиру и готовил Кнопу к прогулке.

Динь.

Сердце привычно заныло, затянуло, как бывало всегда, когда он думал о бывшей жене. Только на этот раз к этому давно ставшему привычным чувству добавилось новое. У Павла вдруг появилась цель, и это неожиданно воодушевило.

Последние пару лет Павел ощущал себя так, будто он не человек, а дерьмо в проруби — никому не нужный, бесполезный отход жизнедеятельности, который не живёт, а просто плывёт по течению, как плыл Павел всё это время. Эти чувства обострились после смерти матери — Любовь Андреевна, несмотря на осуждение развода с Динь, продолжала поддерживать и любить его, единственная в этом мире. Но год назад её не стало, и у Павла тогда даже не хватило смелости

сообщить о случившемся бывшей жене — он не желал её огорчать: Динь как раз потеряла собственную маму. А теперь и подавно не стоило упоминать об этом, но что делать, если Динь спросит? Впрочем... пока она пребывает в твёрдой уверенности, что это их последняя встреча, и Павел не стал переубеждать Динь. Если ей так спокойнее, пусть. Пусть думает, что он сейчас погуляет с Кнопой, вернёт собаку и уйдёт навсегда. Динь же беременна, не нужно её раздражать.

Кнопа радостно носилась по дворам, виляла хвостом и ела снег, точно так же, как и три года назад, когда Павел выгуливал её в последний раз. Он ведь не только Динь предал, получается, но и Кнопу, которая тоже любила его и ждала, считала своим хозяином. Только, в отличие от Динь, собака не понимала, что Павел предатель — она просто радовалась его возвращению. В отличие от его бывшей жены.

Сегодня Динь смотрела на Павла так, как никогда не смотрела раньше — холодно и безразлично, будто на чужого человека. Иногда она раздражалась, но даже это раздражение отдавало равнодушием, как бывает, когда злишься на случайного попутчика в автобусе. Динь была закрыта для Павла, и это оказалось очень больно. До невыносимости.

Он закурил, шагая дальше, по направлению к парку. Погуляет с Кнопой подольше, проветрит мозги, а собака разомнёт лапы — обоим будет полезно. Главное, не замёрзнуть и не превратиться в снеговиков на этом бешеном ветру.

Павел знал, что эти три года Динь старалась не думать о

нѐм, тогда как он, наоборот, думал о ней каждую минуту. Просто не мог иначе — жизнь без неё превратилась в какую-то безумную тягомотину, которая угнетала, словно на грудь поставили бетонную плиту. Удивительно, но последние пару лет перед разводом им не было легко, однако то гнетущее ощущение беды ни в какое сравнение не шло с тем глухим отчаянием и безысходностью, которые накрыли Павла после ухода от Динь. Пока Настя была беременна, он ещё как-то держался, но потом Соня родилась и почти сразу умерла — и всё.

Павлу тогда казалось, что он долго шѐл по краю пропасти и вот наконец — сорвался. Он начал и пить, и курить, взял на работе неоплачиваемый отпуск и погрузился в собственную депрессию. Да, это была депрессия, именно такой диагноз поставил психотерапевт, к которому Павла чуть ли не за уши притащила мать, рыдая и угрожая позвонить Динь и всё ей рассказать. Это и привело его тогда в чувство — не хотелось позориться перед женой, она ведь считала его сильным. Хотя теперь она, наверное, уже давно передумала, и не зря. Павел и сам полагал, что он слабак. Не выдержал диагнозов и проблем Динь, не обсудил с ней своё подавленное состояние, набрал слишком много работы, пытаясь отстраниться от ситуации в семье, и повѐлся на вертихвостку. А после даже не объяснил ничего нормально, не пытался попросить прощения, а слился, как то самое... дерьмо.

И если есть шанс что-то изменить сейчас, чтобы Динь хо-

тя бы перестала считать его моральным уродом, Павел им воспользуется. И заодно поможет бывшей жене выносить и родить. В том, что помощь ей нужна, он ни капли не сомневался.

Павел гулял с Кнопой почти час, и, когда возвращался, на улице уже стемнело. Он зашёл в квартиру, тихо открыв замок запасным ключом, который забрал из комода в прихожей, где ключ лежал и раньше, заглянул на кухню и в гостиную — света нигде не было. Наверное, Динь ушла в маленькую комнату и, возможно, даже легла спать. Павел решил не тревожить её, бесшумно разделся, помыл Кнопе лапы, зашёл на кухню и огляделся.

На полу стояла только одна бутылка воды, которой Динь хватит максимум до завтра. В холодильнике почти не было любимых йогуртов жены, не было кефира, и никакого мяса, и яиц маловато. Павел набрал список в записках телефона, оделся и отправился в магазин. Купил всё по списку, в том числе несколько двухлитровых бутылок воды, вернулся в квартиру к Динь, так же тихо всё расставил, написал жене записку, погладил между остро торчащих ушей Кнопу — и ушёл.

Дина

Я проснулась около восьми часов вечера. Вытащила из-под подушки мобильный телефон и поморщилась — и как я умудрилась так долго проспять?.. Прилегла же на минуточку! Видимо, организм настолько пребывал под впечатлением от встречи с Павлом, что не выдержал и решил отключиться, восстановить моральные и физические силы. Ну и ладно. Плохо только то, что я планировала сходить в магазин, в холодильнике шаром покати, и воды нет, а теперь получается — либо тащиться туда сейчас, вечером, рискуя напороться на каких-нибудь новогодних алкашей, либо отложить до утра.

Я вышла из спальни и сразу наткнулась взглядом на довольную Кнопу, развалившуюся на лежанке и грызущую какую-то вкусняшку. Пригляделась и нахмурилась — подобных собачьих лакомств дома сейчас не было. Откуда это? Павел купил, что ли? Он мог. Любил Кнопу, когда жил с нами, всегда гулял с ней с удовольствием, несмотря на то что заводила собаку вообще-то я. Почти сразу после свадьбы поехала в приют и выбрала там дворняжку, которая мне понравилась больше всего, маленькую и какую-то шуганную. Кнопа оказалась воспитанной и то ли знала команды, то ли хорошо

понимала речь, но с поведением у нас никогда не было проблем. Были проблемы только со страхом — Кнопа опасалась чужих людей, боялась, что её от нас заберут, и настороженно относилась к другим собакам. Павел сам ходил с Кнопой к кинологу, занимался и дрессировал, и, честно говоря, настоящим хозяином я считала его, а не себя. Да и Кнопа тоже. Но... когда в тот вечер Павел собирал вещи, то даже не вспомнил о ней. Оставил мне и за три года ни разу не поинтересовался, жива ли Кнопа вообще.

И вот — теперь эта влюблённая псина сидит абсолютно счастливая, грызёт что-то и виляет хвостом. Она даже не понимает, что её предали, кинули, как надоедливую игрушку, выбросили на помойку. И меня вместе с ней, да. Но Кнопа способна радоваться «возвращению» в нашу жизнь Павла, а я как-то не очень.

Я погладила собаку по голове, вздохнула и направилась на кухню — безумно хотелось есть, я ведь только завтракала. Но на пороге застыла и нахмурилась, не понимая, почему мне кажется, будто что-то не так...

Точно. На подоконнике двухлитровые бутылки с водой. Раз, два... пять бутылок. Чёрт побери, откуда? Хотя глупый вопрос. Но почему вот так, а не по пять литров, как мы обычно покупали?

От этого «мы» меня покорило. Но правда ведь, когда я ещё была замужем, мы с Павлом всегда покупали пятилитровые упаковки с водой. Может, таких в магазине не было,

раскупили перед Новым годом и ещё не завезли? Или...

Я распахнула глаза, заметив на кухонном столе листок бумаги и ручку. Записка? Павел оставил мне записку?

Я приблизилась к ней, как будто она могла взорваться и убить меня, осторожно взяла в руку, вчиталась в знакомый ровный почерк:

«Не выводи Кнопу. Я подъеду к шести утра, выведу».

И всё.

Господи, он сошёл с ума. Надо срочно найти человека, который будет выгуливать мою собаку, чтобы Павел наконец от меня отстал. Вот сейчас этим и займусь, как раз время есть. Только сначала поужинаю.

Я открыла холодильник... и замерла в недоумении. Я точно помнила, что моего любимого черничного йогурта оставалась только одна баночка, а теперь йогуртов было четыре. И кефир в дверце стоит, а он же как раз утром кончился. Упаковка яиц лежит на верхней полке. В лотке для овощей — огурцы, помидоры и укроп, а в зоне свежести — куриная грудка, творог и два творожных сырка. Как я люблю, со сгущёнкой.

Я настолько удивилась, что у меня даже не осталось сил сердиться на Павла. Хорошо, конечно, что в магазин не надо — минимум на завтра всё есть, — но меня не оставляло ощущение подставы. Сегодня бывший муж выгуливает мою собаку и ходит за меня в магазин, а завтра что? Решит, что ему можно вернуться, раз он такой хороший и старательный?

Ну нет, только через мой труп.

Я заварила себе ромашку, чтобы успокоиться, сделала яичницу с помидорами, отрезала сыр, почистила огурец. И когда всё съела и выпила, то как-то утомилась и перестала нервничать.

Пусть Павел делает, что хочет, без разницы. А мне просто надо выносить и родить ребёнка.

Но человека для Кнопы всё-таки нужно найти.

Я надеялась проснуться к утреннему приезду бывшего мужа, чтобы поговорить с ним, сказать, что ищу для Кнопы кого-нибудь, кто будет с ней гулять, но не смогла встать по будильнику без десяти шесть. Только открыла глаза, посмотрела на часы и решила — ну к чёрту, я спать хочу. Потом поговорим. И лучше не лично, а по телефону.

В итоге проспала почти до девяти утра. Встала, позавтракала, потом погуляла — благо снегопад прекратился и дорожки успели расчистить, — приготовила себе еды и пообедала, и только ближе к вечеру села за работу. Пару часов занималась переводами детских энциклопедий... а потом неожиданно услышала скрип поворачиваемого в замке ключа. Кнопка залаяла, метнулась в коридор — и я за ней.

Не знаю, кого я ожидала там увидеть, но это, разумеется, был Павел. И мне хватило одного лишь взгляда, чтобы понять — он примчался сюда после работы. Частная стоматология, в которой он трудился хирургом, даже по выходным была открыта для экстренных случаев. Павел всегда выглядел вот так после двенадцатичасовой смены — словно его лицом мыли пол. Ничего удивительного: если стоять на ногах почти весь день, и не так будешь выглядеть, а Павел всё-таки уже не мальчик. Он поэтому и на машине домой ездил, хотя на метро выходило чуть быстрее, — опасался, что не

выдержит стоять ещё и в вагоне, а взрослым мужикам никто места не уступает.

Заметив меня, Павел замер, изучая с ног до головы. Ничего особенного или сексуального увидеть он не мог — дома я ходила в обычных костюмах со смешными принтами, летом это были хлопковые бриджи и футболки, а зимой длинные штаны и кофты с рукавами три четверти, и всё плюшевое, с начёсом. И обязательно тёплые шерстяные носки. Подобный вид непригоден для соблазнения, но во взгляде Павла промелькнуло что-то такое... горячее. Как когда-то в юности, когда я в шутку встречала его после работы в одном красивом нижнем белье.

— Откуда у тебя ключ? — спросила я сурово, отчего-то испытывав желание срочно убежать обратно в гостиную. Я не хотела ничего чувствовать, а взгляд Павла невольно пробуждал во мне что-то. Что именно, понять я не могла, но это было нежеланно, а потому неприятно.

— Я взял запасной, — ответил бывший муж, наклонился и погладил Кнопу. Да ещё и с такой нежностью, что меня передёрнуло. Сам кинул нас, бросил — а теперь заботу проявляет. Абсурд какой-то.

Резко затошнило, и я развернулась, чтобы уйти в комнату, но не успела — Павел схватил меня за руку, останавливая.

— Динь? Тебе нехорошо? — В голосе звенела такая неподдельная тревога, что меня немедленно затошнило сильнее. Господи, да как он смеет вообще? Неужели считает,

будто это нормально — сначала три года назад кинуть меня перед очередной процедурой, а теперь явиться как ни в чём не бывало и делать вид, что беспокоится. И обо мне, и о Кнопе. А до этого, в течение трёх лет, он где был, о ком думал?

Я вырвала ладонь из руки Павла и, схватившись за косяк, простонала:

— Меня от тебя тошнит! — И ушла в комнату. Села на диван, схватила пальцами за занывшие виски, стараясь успокоиться. Плевать на бывшего мужа, плевать, плева-а-ать... Всё, нет его, нет! И не было никогда! Приснился он мне, приснился!

Этот, который приснился, по-видимому, снял ботинки, прошёл в комнату и поставил передо мной на журнальный столик стакан с водой, а рядом положил апельсиновые мюсли с шоколадом — мои любимые. Я на секунду замерла, глядя на это всё с недоумением, а Павел прошептал, отступая назад в прихожую:

— Я только выведу Кнопу. Потом сразу уйду. Не нервничай, тебе нельзя. Пожалуйста, Ди... Дина.

Он ушёл очень быстро, я даже не успела толком осознать сказанное. И потом пару минут ещё сидела, глядя на стакан с водой и апельсиновые мюсли, ощущая, как отчего-то колет глаза и печёт в груди, словно к сердцу прикасаются раскалённым паяльником.

Коснулась ладонью щёк. Они были мокрыми...

Павел

«Меня от тебя тошнит».

Эта фраза звенела в голове, билась в висках вместе с сердцебиением и отдавалась такой колющей болью в душе, что Павел с трудом двигался. По сути, он и не шёл сам — его тащила вперёд весёлая и беспечная Кнопа, которую ничуть не смущал тот факт, что хозяина столько лет не было дома.

Павел понимал чувства Динь, да что там говорить — его и самого от себя тошнило. Все три года. Помогали только сеансы у Сергея Аркадьевича — седой психотерапевт в очках и с серьёзным взглядом хорошо умел вправлять мозги. Благодаря ему Павел не только выкарабкался из длительной депрессии, которая, как оказалось, началась ещё во время брака с Динь, но и осознал, что больше всего на свете хочет вернуть потерянную семью. По собственной глупости, подлости и трусости потерянную. Да, неудивительно, что Динь от него тошнит...

А вот Павел в присутствии бывшей жены чувствовал что угодно, только не тошноту. Благоговение, что она смогла забеременеть. Неважно от кого — Павла это вообще не волновало, главное, что смогла, Динь ведь так хотела! Страх, что прогонит окончательно и бесповоротно, запретит приезжать,

а он обязательно послушается, опасаясь причинить вред ей и ребёнку. Безграничное чувство вины, что сам довёл и её, и себя до подобной ситуации. Нежность и желание прижать к груди и никогда-никогда не отпускать, защищать от всех горестей и бед.

Любовь и боль рвали его пополам, как две акулы рвут жертву, безжалостно и непримиримо перемалывая до самых костей, но Павел знал, что так будет. Они с Сергеем Аркадьевичем хорошо проговорили все возможные чувства Павла после возвращения в жизнь Динь. Отправляясь на встречу с бывшей женой, он понимал, что попадёт в ад. Но если есть хотя бы крошечный шанс из ада выбраться — нет, не в рай, но хотя бы в чистилище... Однако это зависело не только от Павла, но и от Динь. Устраивать ей такой же ад он не желал и собирался маячить перед глазами как можно меньше. Изначально Павел позвал Динь на эту встречу в кафе, чтобы сделать то, что следовало сделать три года назад, а именно поговорить нормально, но теперь разговор нужно отложить. Не до него Динь сейчас.

Лишь бы позволяла помогать себе. Ради ребёнка, который обязан, просто обязан родиться! В срок и обязательно здоровым!

Ещё одного умершего малыша Павел просто не переживёт. А то, что этого не переживёт Динь, и так понятно.

Он вздохнул и вытер чуть влажные щёки. Снегопада сегодня не было — влага появилась из глаз, и ледяной ветер

тоже был ни при чём. Павлу просто было плохо.

Он вновь, как и накануне, гулял с Кнопой около часа, затем привёл собаку в квартиру, помыл ей лапы и, не удержавшись, заглянул в комнату — хотел удостовериться, что с Динь всё в порядке. Мало ли?

Она сидела за компьютером и что-то внимательно читала. И от этого зрелища, которое раньше мелькало перед глазами каждый день и, казалось, набило оскомину, стало так уютно и светло, как бывает, когда в тёмной и стылой комнате внезапно включают свет и зажигают камин.

Динь была невыносимо родной, своей, близкой и милой. Павлу, в общем-то, было плевать, покрашена она или нет, надела парадное платье или домашний костюм — жена казалась ему прекрасной в любом виде. Хотя он не мог не признать, что сейчас она выглядит лучше, чем три года назад. Тогда, после очередных гормонов, Динь здорово разнесло, волосы стали тусклыми, и вся она производила впечатление смертельно уставшего человека. За прошедшее время Динь похудела, а ещё её удивительно красила беременность, будто заставляя светиться изнутри. Неудивительно — она же так хотела ребёнка.

Павел не собирался ничего спрашивать, он думал только проверить, в порядке ли жена, но неожиданно вспомнил её вчерашние слова об УЗИ, поэтому выпалил:

— Ты завтра к врачу?

Динь вздрогнула, выпуская из рук мышку, развернулась к

нему и посмотрела недовольно, сощурившись.

— Тебе какая разница?

Она отвечала вопросом на вопрос только в случае крайнего раздражения, но это Павел понимал и так. Естественно Динь мечтала, чтобы он поскорее убрался вон.

— Я тебя отвезу, — сказал, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно. — Ни к чему в метро разъезжать в твоём положении.

— Я вызову такси, — процедила она, воинственно складывая руки на груди. Изрядно пополнившейся, кстати. Ещё и без бюстгальтера... Павел сглотнул и продолжил увещевать:

— Нашим таксистам я бы и Кнопу не доверил, не то что беременную женщину. Динь... Дина, пожалуйста, не упрямысь. Я просто отвезу тебя в клинику, не пойду внутрь и ни слова не скажу. Туда-обратно. И всё, обещаю.

Она вздохнула, прикрыв глаза — пыталась успокоиться. Павлу стало стыдно, он понимал, что раздражает Динь, но просто уйти не мог. Всё, что он ей предлагал, было разумно и справедливо, и она знала это не хуже, чем он.

— Ладно, — прошептала наконец Динь обречённо. — Но теперь уходи скорее. И завтра, пожалуйста, не разговаривай со мной.

— Хорошо. Во сколько?

— Мне к трём.

— Тогда я приеду полвторого. Наберу сразу, как подъеду. Динь молчала, сидя по-прежнему с закрытыми глазами,

будто ей так было легче, и Павел, не дождавшись ответа, ушёл в коридор. Кнопка метнулась за ним, и он погладил её, потрепал между ушами, улыбнулся, глядя на радостно виляющий хвостик.

Безумно не хотелось уходить. Теперь, когда Павел наконец пришёл домой, пообщался с Динь, увидел Кнопку, — не хотелось. По правде говоря, он не понимал, как вообще ушёл тогда...

Господи, каким же он был идиотом. И трусом. И подлецом. Не зря мать, после того как Павел явился в её квартиру в тот вечер с вещами, надавала ему оплеух так, что потом сутки лицо горело. И это она ещё ласково...

Павел обулся и оделся, взял запасные ключи — просто на всякий случай — и вышел из квартиры, вновь оставляя за спиной любимую женщину и обожаемую собаку, которых когда-то предал.

Дина

Я решительно не могла понять бывшего мужа. Чего он добивается? Неужели думает: я смогу принять его обратно после всего, что было? Если так, то это какая-то невероятная тупость. И наглость к тому же. Не знаю, может, и существуют на свете женщины, которые способны прощать измену и предательство, но это точно не я.

Мне срочно нужен был совет со стороны, и раньше я бы обязательно позвонила маме, но теперь это было невозможно. И я написала одной из немногих подруг, рассказала обо всём, что случилось, — и как Павел позвонил в новогоднюю ночь, и как я согласилась на встречу, и о самой встрече поведала, и про подозрительное поведение бывшего мужа. У Алисы — так звали мою подругу, — в отличие от меня, был большой опыт отношений с многочисленными мужиками: два мужа и чёрт знает сколько любовников за тридцать с лишним лет жизни. Я-то, как влюбилась в Павла на третьем курсе института, — так и всё. Мы с ним, как многие современные люди, познакомились в интернете, но не специально — увидели комментарии друг друга на одном форуме, посвящённом обсуждению книг, начали спорить, потом списались в «личке»... Полгода активной переписки —

и наконец встреча. Я сама долго тянула, опасалась, что интересный собеседник, увидев меня, свалит в закат, потому что всегда была умной, но отнюдь не красивой. Я была склонна к полноте, легко поправлялась после любых застолий и не обладала шикарной фигурой — у меня всегда был лишний вес, то немного, то много, я постоянно скакала туда-сюда. Гораздо позже, попав к Ирине Сергеевне, я узнала, отчего так получалось, но в институте я ещё была не в курсе. И комплексовала, наблюдая за другими девчонками — у многих с моим ростом был сороковой-сорок второй размер, а я почти не вылезала из сорок шестого, даже иногда переползая в сорок восьмой. Поэтому встречи с Павлом я боялась и тянула до тех пор, пока он не стал ворчать, высказывая подозрение, что я не девушка, а парень. Этого стерпеть я не могла и согласилась увидеться.

Всё прошло хорошо, но за одним исключением — Павел мне больше чем понравился, он же остался равнодушен. Точнее, он видел во мне друга, но никак не девушку, в которую можно влюбиться. Было обидно, но я умудрилась с этим смириться. Так продолжалось пару лет, а потом был мой выпускной...

Нет, не буду вспоминать. Я же решила, что Павла в моей жизни не было, вот и не буду. Но совет Алисы получить тем не менее хотелось...

«Слушай, — написала подруга сразу после того, как я вывалила на неё рассказ о событиях последних дней, — не за-

гоняйся, ладно? Тем более тебе нельзя переживать. Какая разница, что хочет этот гондон? Да пусть хоть о луне с неба мечтает, хоть о тебе и твоих борщах с пампушками — пофиг на него, плюнь и разотри. Пользуйся тем, что он может тебе дать, и не напрягайся. Пусть возит в клинику, с Кнопой гуляет, насрать. Главное, чтобы ты не нервничала. Даже если он о возвращении мечтает, заставить тебя у него не получится. А помощь тебе сейчас пригодится, так что... повторяю — не загоняйся».

Алиса была грубоватой и прямолинейной, но мне этого и не хватало. Я уверена: будь она на моём месте, прояснила бы ситуацию с бывшим мужем с порога, а мне вот смелости не хватало. Я не желала ничего прояснять, мечтала только о том, чтобы Павел быстрее свалил и не мозолил мне глаза. А Алиса говорит «пользуйся». Кем пользоваться? Предателем?

«Но мне вообще кажется, что ты ошибаешься, — напечатала подруга, пока я пыталась осмыслить её предыдущий совет. — Не мечтает он вернуться, просто встретился, потому что совесть заела, попросил прощения, а тут ты беременной оказалась. После того, что случилось с его ребёнком, и после всех лет твоего лечения не удивительно, что Павел захотел тебе помочь. Это просто... не знаю... по-человечески понятно, что ли. Хотя он, конечно, всё равно гондон».

Я не удержалась от улыбки. Алиса вообще часто награждала Павла подобными эпитетами, этот ещё был приличным.

Чаще всего она называла моего бывшего мужа просто «Пашка-*банашка». Коротко и ёмко.

Наверное, она права и Павел всего лишь хочет мне по-человечески помочь, ведь больше некому. Вот только... как бы мне потом эта помощь не вылилась в огромные неприятности.

Я больше не верила Павлу. И если бы четыре дня назад мне рассказали, к чему в итоге приведёт встреча с бывшим мужем, я бы и не подумала на неё идти. Но сделанного, увы, не воротишь...

Павел

На следующий день Павел подъехал к дому Динь чуть раньше, чем договаривались, вылез из машины и закурил, глядя на окна своей бывшей квартиры. Вообще это была квартира жены, она досталась ей по наследству от давно умершего отца, но Павел всегда воспринимал место, где они жили с Динь, и своим тоже. Вчера и позавчера, оказавшись там, Павел не сразу осознал, что почти всё выглядит иначе, не так, как было, когда он жил здесь. Конечно, обои остались прежними, но вот остальное...

Динь поменяла диван в гостиной, на котором они спали раньше, купив более маленький, и Павлу показалось, что он даже не раскладной. В освободившееся место втиснула напольную лампу с цветным абажуром. С полов исчезли ковры, книги в шкафах были переставлены, да и сами шкафы тоже оказались другими. По правде говоря, мебель, которую Павел помнил, можно было пересчитать по пальцам одной руки — журнальный столик (по-видимому, Динь просто пожалела его выкидывать — он был деревянный и резной, очень красивый, ручной работы, Павел купил на пятилетие свадьбы), кухонные шкафы (обеденный стол и табуретки изменились), вешалки в коридоре. Остальное так или иначе, но претерпе-

ло изменения. Динь как будто стремилась стереть прошлую жизнь, вытравить её из своей памяти и потому изменила в квартире всё, что могла изменить без ремонта. Даже спала теперь не в большой комнате, а в маленькой.

Больше всего было жаль картины, которые висели на стенах, — Павел с Динь покупали их вместе, в разные годы, в разных местах. Только то, что по-настоящему нравилось. Картин было штук десять, и Павел не увидел ни одной. А гвозди, на которых они висели, оказались выдернуты, и дырки залеплены интерьерными наклейками в виде кошечек и собачек.

Он понимал, почему Динь сделала это всё, и морщился от осознания, какое количество зла причинил своей любимой женщине. Никогда не хотел её обидеть, переживал не меньше, чем за себя, во всём поддерживал — а потом вдруг сломался и предал. Сергей Аркадьевич объяснил, почему так получилось, но оправданием для Павла это не являлось. Просто факт, с которым следовало жить и сделать из него выводы.

Павел сделал.

Ровно в половину второго Павел набрал номер Динь, и она сбросила звонок, но через две минуты уже выходила из подъезда. Собранная, серьёзная, и на Павла даже не посмотрела, села в машину, не поздоровавшись, пристегнулась и застыла, нахохлившись, как маленький недовольный воробей, комкая в руках вязаную бирюзовую шапку.

Павел сел на водительское место и начал выруливать со двора. Сейчас, когда Динь находилась рядом, в той же куртке и с той же шапкой, как и три года назад, ему чудилось, будто и не было ничего. И они по-прежнему едут на приём к Ирине Сергеевне... вместе.

— Какой адрес? — кашлянул Павел, внезапно вспомнив, что Динь говорила о смене врача.

Жена абсолютно холодным, даже морозным голосом назвала адрес, и Павел вбил его в навигатор. Пробок пока не было, значит, успеют даже раньше.

Всю дорогу Динь предсказуемо молчала, теребя шапку, и просто смотрела в окно на заснеженные улицы и другие машины. Раньше она часто улыбалась своим мыслям, но сегодня Павел ни разу не заметил на её лице улыбки. Динь была серьёзной и как будто... нервничала? Да, точно. Она же едет на УЗИ. Первое УЗИ, которое должно показать, была ли беременность маточной.

Внематочная беременность — это был один из самых страшных страхов Динь, и образовался он после того, как она лежала в больнице с девушкой, которую с трудом достали с того света из-за врачебной ошибки: врач на УЗИ диагностировал прикрепление плода в матке, а не в трубе, как в итоге оказалось, когда несчастную госпитализировали с дикими болями и кровотечением.

И Павел уже открыл рот, чтобы сказать жене, что всё будет хорошо, но — тут же захлопнул его, вспомнив о своём обе-

щании молчать. Тем более что вряд ли его неловкая попытка утешить вообще будет воспринята адекватно. Из-за него, по-видимому, Динь была вынуждена прибегнуть к ЭКО (Павел так решил, поскольку клиника, куда они сейчас ехали, занималась именно этим) — а ведь раньше она категорически не хотела этого делать! — так что лучше бы ему помолчать.

Возле клиники была стоянка, и Павел припарковал машину там. Хотел помочь Динь выбраться из салона, но она вылетела наружу прежде, чем он успел среагировать. И помчалась ко входу в клинику. Павел проводил жену полным тревогой взглядом и вздохнул.

Как бы ему хотелось пойти с ней сейчас. Побывать на УЗИ, посмотреть на их малыша, послушать, что скажет врач, задать вопросы самому. Павел собирался участвовать в беременности жены, всегда собирался, но... теперь это не «их малыш», а только Динь, а Павел вынужден молчать и сидеть в машине, ожидая, когда Динь вернётся, и не задавая никаких вопросов.

Жена вышла из клиники через полтора часа, и, судя по лицу Динь, всё прошло отлично — она светилась, как новогодняя лампочка, глаза сияли, на губах застыла шальная улыбка. Павлу почти нестерпимо захотелось выскочить из салона навстречу, обнять Динь, закружить, поцеловать эту улыбку...

Но вместо этого он просто молча выкинул едва зажжённую сигарету в снег.

Динь опустилась на сиденье рядом и сразу скривилась, почувствовав запах дыма.

— Извини, — произнёс Павел тихо, ругая себя — ну вот, испортил ей настроение своим курением! — Я просто долго ждал, замёрз слегка. Сейчас выветрится. Хочешь жвачку?

— Да, — Динь кивнула, и он, протягивая ей пачку, неожиданно заметил, что она до сих пор прижимает к груди листочек со снимками УЗИ. Сердце дрогнуло и пропустило удар, и Павел не удержался:

— Как... там? Всё... в матке?.. — На него явно напало косноязычие, но говорить, когда сердце бунтует, а остальные внутренности вообще танцуют канкан, оказалось невыносимо сложно.

— Да! — Жена расслабилась и вновь расплылась в блаженной улыбке. — В матке! Один ребёнок! Срок 5 недель!

— Здорово... — прошептал Павел и тоже улыбнулся, глядя в счастливые светло-карие глаза своей Динь. Душа наполнялась такой неподдельной радостью, что он не удивился бы, если бы в этот миг посреди заснеженной Москвы вдруг появилась радуга. — Это замечательно, Динь.

На этот раз она не обратила внимания на запретное обращение, просто кивнула и прижала к себе бумажки, счастливо зажмурившись. Потом отняла от груди, улыбнулась ещё шире — и Павел глазам своим не поверил, когда Динь повернула снимки в его сторону.

— Вот, смотри! Вот он! Ну, или она! — Динь ткнула паль-

цем в маленькое чёрное пятнышко на снимке, окружённое более светлым ореолом. Павел задохнулся от восторга, поднял руку, коснулся пятнышка... и тут Динь опомнилась, отдёргнула снимки, слегка посмурнев. — Прости, я что-то... не стоило мне...

— Ничего, я очень рад за тебя, правда, — сказал Павел быстро и предложил, пока она не испортила самой себе настроение: — Поедем?

— Да, — Динь кивнула, убирая бумажки в сумку и пристёгиваясь.

Следующие минут двадцать ехали молча, а потом Павел услышал тяжёлый вздох, не слишком похожий на радостный, и не удержался от вопроса:

— Что такое?

Динь вновь вздохнула и ответила почти мирно:

— Да ничего. Просто Игорь Евгеньевич — это мой врач — назначил кучу анализов, которые желательно сдать поскорее и в их клинике. Кровь там всякая, моча.

— Не проблема. Когда ты хочешь съездить? Я тебя отвезу.

Динь молчала, и Павел уже вновь хотел начать уговаривать её и уверять, что он просто побудет перевозчиком, когда она неожиданно спокойно произнесла:

— Ладно. Только там желательно до девяти утра и натошак, конечно. Ты сможешь, например, послезавтра?

Послезавтра у Павла была полноценная смена, но плевать, уладит как-нибудь.

— Да, смогу. Только сначала надо будет вывести Кнопу.

Динь на удивление не стала возражать. И когда они через полчаса приехали к её дому, тоже никак не прокомментировала тот факт, что Павел поднялся с ней в квартиру, взял Кнопу и отправился гулять. Просто схватила все свои бу-
мажки и убежала на кухню — рассматривать.

Дина

Меня переполнял восторг. Игорь Евгеньевич сегодня развеял многие мои страхи, сообщив, что по УЗИ всё отлично, и анализ на ХГЧ, который я на всякий случай сдала в первых числах января в частной лаборатории, тоже прекрасен, и вообще врач уверен — всё у нас с ним получится. Но, несмотря на эту уверенность, кучу анализов всё равно нужно будет сдать, без этого никак. И выдал списочек. Кроме того, наказал носить компрессионные чулки — с венами у меня давно были проблемы — и сдавать мочу каждые две недели. И на приём к Игорю Евгеньевичу — тоже каждые две недели. С моим анамнезом иначе невозможно.

Вспыхнула и почти сразу погасла мимолётная и равнодушная мысль, что, если Павел решит возить меня на приёмы, это будет то ещё испытание. Но она не вызвала во мне раздражения — сейчас я была слишком счастлива, рассматривая первую фотографию своей детки, счастье бурлило во мне водопадом, искрило и грело, как костёр в холодную ночь, и на Павла и его планы оказалось решительно плевать. Пусть возит, пусть хоть на коврике в коридоре спит в обнимку с Кнопой, лишь бы родить здорового малыша. Клянусь, если бы в этот момент кто-нибудь свыше сказал мне,

что я должна простить бывшего мужа и принять его обратно, чтобы мои мечты исполнились, — я сделала бы это, не колеблясь.

Хорошо, что никто ничего подобного мне сказать не мог, и впускать Павла обратно в свою жизнь и судьбу я не собиралась.

Вдоволь налюбовавшись на снимки УЗИ, я решила разогреть обед и вскипятить чайник. И как только подошла к нему, чтобы налить воды, сообразила, почему Павел купил не пятилитровые бутылки, а двухлитровые. И как я сразу не догадалась? Мне же нельзя поднимать тяжести больше двух килограммов, это и Игорь Евгеньевич сказал на приёме.

Наверное, я должна быть благодарна бывшему мужу за заботу, но... благодарности не было — я не просила его об этом, и вообще могла купить всё сама, заказала бы доставку. А вот то, что он в курсе подобных мелочей, ясно сказало мне о том, как он заботился о той своей беременной девице, когда ушёл от меня.

Стало мерзко. Да, Дина, равнодушием тут и не пахнет... Любви в тебе, может, и нет — но обиды целый мешок. Сделал ребёнка на стороне, пока я лечилась, а когда...

Ох, нет, лучше не думать об этой несчастной девочке.

И всё же непонятно, зачем Павел ждал два с лишним года? Пытался наладить отношения с любовницей, не вышло и решил вернуться ко мне, а тут так удачно подвернулась эта беременность, и можно поиграть в рыцаря? Да, скорее всего.

Мерзко, говорю же.

Я успела пообедать и выпить чаю, когда услышала, как Павел открыл дверь. Вздохнула — то, что он заныкал себе запасной ключ, в восторг меня не приводило, но пока я молчала. Найду человека для выгула Кнопы — скажу.

Павел помыл моей собаке лапы, а потом молча ушёл, даже не заглянув на кухню, где сидела я.

Утром следующего дня бывший муж вновь гулял с Кнопой, только чуть позже, не в шесть утра, а около семи. Поэтому я, наверное, и услышала его, проснулась и лежала в постели до тех пор, пока Павел окончательно не ушёл. Только тогда выползла из спальни и отправилась в ванную.

Я погуляла в парке, сходила в магазин и села работать — короче говоря, существовала в типичном для себя дне сурка. У меня был примерно один и тот же график с тех пор, как я четыре года назад ушла из офиса и осела дома, брала на редактирование рукописи и переводила с английского. Зарабатывать получалось даже чуть больше, чем я получала бы в штате, поэтому выходить обратно на работу смысла не было, да и вообще мне понравилось высыпаться. Можно было спокойно дрыхнуть до восьми-деяти утра, а если бы я мчалась в офис, пришлось бы вставать в шесть-семь.

Ещё мне понравилось, что появилось больше времени на домашний уют, и я тогда всю занялась гнездованием. И Павлу постоянно вкусняшки готовила, и дом украшала...

Зря только старалась, не оценил.

Около пяти вечера бывший муж пришёл вновь, и я, услышав шорох проворачиваемого в замке ключа, предусмотрительно бросилась на кухню. Видеть Павла не хотелось вообще, и я прям молилась, чтобы он не подумал сунуться сюда и завести со мной беседу.

Не подумал. Почти бесшумно вывел Кнопку — причём гулял даже дольше, чем накануне, часа полтора где-то с ней бродил, — и молча ушёл. А когда я выбралась с кухни и заглянула в коридор, то обнаружила, что бывший муж оставил на пороге сумку с продуктами. Двухлитровые бутылки с водой в количестве шести штук, фрукты кое-какие, дорогуший сок и... клубника.

Я обожала клубнику. И во время беременности ничего не изменилось — я всё так же теряла волю, когда видела эти красные ароматные ягоды. Зимой они обычно практически безвкусные, но Павел умудрился купить где-то вполне нормальную клубнику. Не как летняя, но очень даже.

Я не смогла её не съесть, несмотря на то что она немного горчила у меня на языке — когда я представляла, как бывший муж делал то же самое для какой-то другой девушки...

Дина

А на следующий день у меня начался токсикоз. Причём начался он в машине Павла, когда я натошак ехала сдавать анализы. Мутило так, что я почти ничего не соображала, проблем добавляло то, что и рвать было нечем, и жевать жвачку было нежелательно. Поэтому я терпела. А Павел...

— Возьми.— Он протянул мне свежий кислый мандарин.
— Не съешь, так хоть понюхаешь, вдруг легче станет.

Понятия не имею, откуда у Павла в машине взялся мандарин. Наверное, опять использовал сведения, полученные благодаря беременности его зазнобы. Так или иначе — мандарин немного помог, и я, по крайней мере, доехала до клиники живая. Правда, по дороге меня пару раз чуть не стошнило, но, так как желудок был пуст, дальше спазмов дело не доходило.

Павел вытащил меня из машины почти на руках и, придерживая, закрыл её, а потом повёл ко входу в клинику.

— Не на... — пыталась протестовать я, но он шикнул:

— Ты можешь упасть! Я просто помогу дойти, и всё! Туда и обратно!

Я решила промолчать, иначе сошла бы за полную идиотку — в конце концов, в этот момент я плелась к клинике,

почти повиснув на локте бывшего мужа, и не была уверена, что смогу проделать этот путь самостоятельно и ни за кого не держась.

Я быстро заполнила бумаги, и мы прошли в процедурную, причём Павел и туда меня завёл, и на стульчик усадил, и даже рукав свитера помог закатать, и только потом вышел.

— Какой у вас заботливый супруг, — с умилением сказала медсестра, наверняка думая, что делает комплимент, и меня скрутило в рвотном спазме. — Ой! Токсикоз, да?

— Угу, — пробормотала я, с силой сглотнув, хотя слюны во рту давно не было.

А после сдачи крови стало совсем плохо: к тошноте добавилось такое офигенное головокружение, что Павел даже не выводил, а уже буквально выносил меня из процедурной.

— Держи, — сказал бывший муж, усаживая меня на ближайшую лавочку, и положил на мои колени пару маленьких пакетиков с соком и упаковку с круассаном. — Купил в автомате возле регистратуры, ничего существеннее там нет, одни шоколадки. Съешь пока это, а потом пойдём позавтракаем. Здесь недалеко вроде есть кафе, открытое в такую рань, поешь.

— Я дома...

— До дома ещё нужно добраться, Динь. Тебя тошнит просто из-за голодного желудка, поэтому перед тем, как сесть в машину, надо хорошенько позавтракать.

— А если это просто токсикоз и я весь завтрак вытошню

на обивку твоего автомобиля?

— Переживу, — отрезал Павел безапелляционно, и я решила не спорить. Во-первых, он упёрся рогом, и это будет стоить мне нервов, которые сейчас надо беречь, а во-вторых... ну, возможно, бывший муж всё-таки прав и мне действительно следует нормально поесть. И не шоколадки.

Я выпила весь сок, но круассан лишь надкусила — он оказался каким-то резиновым и настолько противным, что тошнота вознамерилась вернуться, и Павел в срочном порядке вновь сунул мне под нос многострадальный мандарин. Я в итоге всё же съела его, и удивительно, но мне как-то сразу похорошело. Настолько, что до ближайшего открытого кафе я дошла, почти не держась за локоть бывшего мужа. Да и лёгкий январский мороз взбодрил, покусав за щёки.

— Не скромничай, — сказал Павел, помогая мне усесться за столик. Кафе было уютным, с белыми диванами, усыпанными мятного цвета подушками, и с перегородками в виде книжных шкафов, где на самом деле стояли разные старые книги. И если бы не компания, мне бы здесь даже понравилось. — Заказывай побольше, тебе надо нормально поесть. Я не обеднею.

— Я сама...

— Нет, — он резко качнул головой и сел напротив. — Я не позволю тебе платить самой. И не спорь — деньги понадобятся на ребёнка, вряд ли ты сможешь так же эффективно зарабатывать как минимум года три.

Я прикусила язык — да, Павел прав, я уже думала об этом, поэтому усиленно копила и считала каждую копеечку. Никаких кафе или заказной готовой еды не было в моём рационе с тех пор, как мы развелись. Я открыла вклад в банке и каждый месяц кидала туда небольшие суммы — мои «декретные». Выплаты от государства — это, конечно, хорошо, но там не миллионы, и всё пригодится.

Поэтому я проглотила возражения и заказала себе свежесжатый сок, омлет и пару блинчиков с ягодами. Павел взял «Цезарь» с креветками и кофе. Опять кофе...

Меня подмывало спросить, с каких пор он пьёт не домашний кофе, да ещё и курит, но я молчала. Во-первых, догадывалась с каких, а во-вторых, не желала лишний раз открывенничать с бывшим мужем. А то ещё решит, что я ему зелёный свет даю.

Но кое о чём другом поговорить было необходимо.

— Я почти нашла человека для Кнопы, — сказала я, доедая омлет. Пышный, с травами, он таял во рту, но наевшейся я себя пока не чувствовала. — Ну, чтобы выгуливал. Почти договорилась уже, так что с завтрашнего дня можешь больше не приезжать.

Павел поднял на меня тяжёлый взгляд, вздохнул, отложил в сторону приборы — он, в отличие от меня, ел без особого аппетита, — сделал глоток кофе и произнёс почти спокойным голосом:

— Ты серьёзно сейчас? Хочешь доверить Кнопу непонят-

но кому?

— Почему непонятно? Я по рекомендациям в местной группе нашла, мужик вроде бы кинолог, в свободное время подрабатывает выгулами. Отзываются о нём хорошо, так что...

— Помнишь Андрея Голубева? — перебил меня Павел, и я нахмурилась. Голубев был стоматологом-терапевтом и работал вместе с бывшим мужем. Я плохо его знала: видела только на корпоративах и пару раз мы вместе с ним и его женой ходили в театр, и плотным знакомством наше общение назвать было нельзя. Непонятно, при чём тут Голубев.

— Помню.

— Он летом прошлого года уезжал на две недели в отпуск, и не мог, как обычно, оставить свою Баффи с матерью — она заболела, — а нанял вот такого «специально обученного» гулять с собакой. Тоже рекомендации были. Ничего хорошего из этого не вышло. Хрен знает, как этот персонаж гулял со спокойным лабрадором так, что собаку сбила машина...

— Не надо, не продолжай, — я замотала головой. Мне хватило упоминания про новорожденную дочь Павла, а тут ещё и это! — Я понимаю, но...

— Динь... — вновь перебил меня бывший муж, но, заметив мой недовольный взгляд, исправился: — Дина. Мне не сложно выводить Кнопку два раза в день. Я ведь не беспокою при этом тебя, делаю всё тихо. Давай... без каких-то непонятных кинологов. Скажи честно, разве ты сможешь спокой-

но жить, зная, что Кнопа там на улице гуляет с незнакомым человеком?

Я не выдержала — опустила голову и с досадой закусила губу.

Чёрт, а Павел вновь прав. Да я свихнусь, отпуская Кнопу неизвестно с кем. А вдруг сожрёт чего? Она может. Или с поводка сорвётся? Или подерётся с кобелём со второго этажа, он тот ещё придурок...

Это в бывшем муже я уверена, а вот в ком-то другом...

— Ладно, — пробубнила я и, отодвинув в сторону тарелку с доеданным омлетом, принялась за блинчики. Вкусные до ужаса, но даже они меня сейчас не радовали.

Это что же получается — когда я смогу отделаться от Павла? После родов-то мне тоже будет не до прогулок с Кнопой, я так и планировала раньше — нанять кого-нибудь. Даже не задумывалась, что придётся отпускать её на улицу с незнакомцем. А теперь задумалась — и ужаснулась. Значит, Павел будет приезжать подобным образом как минимум год, а то и дольше...

Кошмар. Но не сдавать же Кнопу в приют.

— Я не буду показываться тебе на глаза, обещаю, — сказал Павел тихо, и я скептически скривила губы.

Не верила я ему. Ни на грош не верила. Если действительно хочет вернуться — будет показываться, и ещё как.

Дина

Дальнейший завтрак с Павлом прошёл в молчании, и так же молча мы доехали до моего дома. Меня больше не тошнило, и уже только поэтому я пребывала в хорошем настроении.

— Сейчас ещё рано выводить Кнопу, — проговорил Павел уже в лифте и кашлянул — голос бывшего мужа от долгого молчания был чуть хриплым. — Да мне и на работу надо. Я приеду около восьми. Пожалуйста, не вздумай выводить её сама, не рискуй.

— А если она в туалет захочет и будет скулить под дверью?

— Звони тогда, я отпрошусь.

Отпросится он. Судя по тому, что Павел сейчас собирался на работу, он и так уже отпросился, и, если подобная просьба повторится дважды за день, по голове его не погладят. Ну и плевать, не мои проблемы. Хотя всё же надеюсь, Кнопа дотерпит.

Дома я приняла душ и решила немного полежать на диване — устала после сегодняшней поездки. В итоге... да, провалилась в сон, проснулась ближе к вечеру и только успела приготовить себе обедуужин и поесть, как послышался скрежет отпираемого замка.

Кнопка с лаем побежала из кухни в прихожую, а я... замерла, сжимая ладонями чашку с обжигающе горячим чаем, и сама не понимая отчего, но неожиданно подумала...

Павел хоть ел?

Поморщилась от досады — видимо, привычка кормить бывшего мужа въелась в мозг, раз сижу и рассуждаю о подобном. Но правда ведь — утром Павел толком не поел заказанный салат, потом сразу помчался на работу и вряд ли успел перекусить, теперь приехал ко мне. Объективно у бывшего мужа не было на еду времени.

Я покосилась на кастрюлю с неостывшим мясным рагу и с резким стуком поставила на стол чашку. Нет, Дина, не сходи с ума. Тебе же вроде плевать на Павла? Вот и плюнь. Ел он, не ел, что за мысли бродят у него в голове, почему начал курить и где сейчас живёт — фио-ле-то-во. Никакого рагу этому предателю.

Цоканье собачьих лап, вновь звук от проворачиваемого в замке ключа — и тишина. Я выглянула в коридор и сразу заметила пакет из продуктового магазина, оставленный рядом с входной дверью. Подошла и посмотрела внутрь, закусила губу едва не до крови...

Опять клубника. И мой любимый пармезан. И... боже мой... стейки дорогущие, в ближайшем гипермаркете такие стоят как крыло самолёта. Я их покупала обычно по великим праздникам.

Ну и что мне с этим делать? Не брать? Нет уж! Задобрить

меня едой у Павла не получится, а скандалить, отказываясь от подобной роскоши, и нервничать — ни за что! Я вообще собиралась как можно меньше спорить с бывшим мужем, только уж совсем по принципиальным вопросам, чтобы не переживать лишний раз.

Поэтому пакет я взяла, положила его содержимое в холодильник и спряталась в спальню. Когда вернулся Павел, уже не слышала — вновь уснула.

Проснувшись утром следующего дня в девять — естественно, бывший муж к тому времени уже вывел Кнопу и уехал, чему я только обрадовалась, — я сразу схватилась за телефон — к этому времени должны были прийти результаты анализов. Не всех, но большинства. Я быстро всё просмотрела, не нашла ничего криминального и отправила файлы и Игорю Евгеньевичу, и Ирине Сергеевне. Оба ответили почти тут же, что всё хорошо, и я с чувством глубокого удовлетворения отправилась завтракать, потом гулять и работать.

Несмотря на мой ответ бывшему мужу, я ещё раз изучила тему с человеком для выгула Кнопы, но моя решимость всё же уладить эту проблему без участия Павла разбилась о цены. Посчитав, во сколько это мне обойдётся за месяц, я обалдела и решила, что лучше эти деньги потрачу на ребёнка. А бывший муж обещал не показываться на глаза, поэтому... пусть гуляет. В конце концов, совет Алисы не так уж и

плох, если дело касается Кнопы.

Так прошло две недели — до следующей поездки в клинику. Павел, как и обещал, не беспокоил меня, выводил Кнопу и отчаливал, но постоянно оставлял «презенты». И эти его «презенты» никак не зависели от того, заказывала я в тот день доставку или нет, — Павел всегда находил, что ещё можно купить, о чём я умудрялась не подумать или забыть. Причём у меня было ощущение, что утром, пока я сплю, бывший муж проверяет холодильник. Иначе было не объяснить, как Павел умудряется подгадать, когда у меня закончатся фрукты, йогурты, яйца или ещё что-нибудь. А двухлитровые бутылки с водой он и вовсе приносил каждый день, не ожидая, когда они закончатся.

Я ничего не говорила по этому поводу, не благодарила и не ругала. Просто принимала как должное, и порой даже радовалась, когда обнаруживала в пакете с продуктами что-нибудь неожиданное — например, солёные фисташки или сладкие кукурузные палочки. Иногда покупки Павла совпадали с моими беременными желаниями, хотя я ни разу их ему не озвучивала и озвучивать не собиралась.

За пару дней до визита в клинику я подумала — а вдруг бывший муж забыл, что мне нужно к врачу и на УЗИ? Решила на всякий случай не напоминать, но Павел «напомнил» сам, заглянув вечером на кухню, где я сидела и ужинала, прячась от него.

— Дина, — он шагнул из полутёмного коридора к свету, и

я вздрогнула, едва не подавившись картофельным пюре, — извини, не хотел пугать...

Почти две недели я не видела бывшего мужа — и ещё век бы не видеть — и не могла не заметить, что он ещё сильнее похудел. И уставший ужасно, хотя это не удивительно — два раза в день мотается с Кнопой гулять, и это я даже не в курсе, где он живёт. Может, на другом конце города?

Павел этим вечером явно был после смены, но и с учётом этого факта — слишком замученный.

Не должно меня это волновать, вот не должно!

— Что ты хотел?

— Узнать, когда тебе в клинику, — ответил бывший муж, так и застыв рядом с проёмом. Посмотрел в мою тарелку, полную пюре и гуляша с томатным соусом, и сглотнул. — Отвезу.

Я сжала зубы, вздохнула, пытаюсь унять нерациональное желание брякнуть: «Садись, поешь».

— Послезавтра. К четырём.

Он кивнул.

— Хорошо, буду к половине третьего.

Теперь его взгляд переместился от тарелки к моему лицу. Коснулся губ и щёк — и они внезапно словно загорелись, как раньше, когда мы...

— Тебе очень идёт беременность, Динь, — сказал Павел тихо и настолько нежно, что меня передёрнуло. Причём я даже не поняла отчего — то ли от обиды, то ли... не от неё.

Я не ответила, да Павел и не ждал ответа — молча вышел, зазвенел ключами, а через минуту его уже не было в квартире.

Павел

«Вам необходимо разобраться, чего вы хотите, — сказал в начале терапии Сергей Аркадьевич, психотерапевт Павла. — Ситуация с вашей женой подвисла в воздухе — вы ушли, но дверь оставили открытой, поэтому мысленно постоянно туда возвращаетесь. Вы хотите закрыть дверь и перестать возвращаться? Или у вас есть другое желание?»

Да, желание было совсем другим, но Павел не сразу это понял. Как объяснил Сергей Аркадьевич — из-за страха перед собственными мыслями, чувства вины и той самой депрессии, которая заставляла Павла думать, что жизнь кончена. И понадобилось немало сеансов, чтобы вытащить наружу то, что теперь лежало на поверхности.

Он любил только Динь и хотел быть с ней.

Но когда Павел это окончательно понял...

«Я не гарантирую, что у вас получится вернуться к жене, — признался Сергей Аркадьевич. — Для того чтобы вы могли быть вместе, вашего желания мало — нужно ещё и её желание. Вы должны двигаться навстречу друг другу. Поэтому нам с вами необходимо проработать Динин отказ. Иначе, если вы примете решение попытаться вернуться и наткнётесь на сопротивление жены, вновь укатитесь обратно в депрес-

сию».

Услышав это, Павел пытался протестовать, говорил, что готов ко всему, но Сергей Аркадьевич мягко подвёл его к мысли, что нет, не готов. И правильно сделал. Если бы не ещё полгода сеансов, благодаря которым Павел заранее научился жить с любым решением Динь, сейчас он бы просто сорвался и в лучшем случае забухал по-чёрному. Однако Павел держался, и не только ради себя, но и ради жены, которая заслуживала лучшего. И вполне имела право считать, что этим лучшим будет не Павел.

Он покосился на Динь, задремавшую в его машине по пути в клинику, и едва заметно улыбнулся, вдруг вспомнив, как увидел её впервые.

Динь тогда было девятнадцать, ему — двадцать четыре. Она ещё училась в институте, Павел уже закончил и проходил курсы повышения квалификации, чтобы стать хирургом-имплантологом. Удивительно, но, пока они с Динь только разговаривали в интернете, Павел ни разу не ощущал себя старше — его будущая жена не была легкомысленной и в свои девятнадцать во многом казалась более мудрой, чем некоторые его друзья. Именно это изначально и привлекло Павла в неизвестной девушке с ником Динь-Динь — имя, как у какой-нибудь феечки, — её разумность. С ней было интересно общаться, намного интереснее, чем с другими девушками, в том числе с Олей, однокурсницей Павла, с которой он на тот момент встречался.

Свою фотографию Динь прислала ему только через месяц после начала виртуального общения, и Павел помнил, как сидел и рассматривал снимок, ощущая что-то... странное. С фотографии, сидя на лавочке под цветущей сиренью, ему улыбалась юная девчонка, чуть пухленькая и самая обычная, не красавица, но приятная, и сразу было понятно, что хорошая и добрая. С такой не замутишь — сразу придётся жениться. Тёмно-русые волосы — как говорила мама Павла, стандартного оттенка, были заплетены в толстую косу, перекинутую через плечо на грудь, крупную и налитую, как два яблока, улыбка открывала идеально ровные зубы, светло-карие глаза мягко светились. Но больше всего Павлу понравились брови — широкие тёмные мазки вразлёт, словно специально нарисованные небрежным движением кисти.

В девушке не было ни капли вульгарности, Динь напоминала актрис из старого советского кино — интеллигентных, с умным взглядом и правильным воспитанием. И Павел сразу понял, что у них, кроме дружбы, ничего не получится, если он не желает в ближайшее время обзавестись женой и детьми. К подобному Павел был не готов и поэтому держал себя в рамках даже во время их первой встречи, когда Динь робко и нежно улыбалась, осторожно отвечая на вопросы, словно пугливый дикий зверёк. Она безумно стеснялась, это чувствовалось в каждом жесте и слове, но Павла ничего не раздражало, даже наоборот. Каждый раз, когда он глядел на смущённую улыбку собеседницы, приходилось мысленно да-

вать себе по лбу за резкую вспышку возбуждения. Не зря говорят: сладок запретный плод — и Павел, заранее дав себе установку не нарушать рамок дружбы, начал сходить по Динь с ума уже на первой встрече.

Она безумно его возбуждала, как ни одна другая девушка. Возбуждала каждым движением, взглядом, манерой говорить и нежно улыбаться. Но особенно терзала мысль о том, что у Динь наверняка никого не было. Острая и пряная мысль... Думая об этом, Павел терял способность к рассуждениям и порой не мог уловить нить разговора, из-за чего, как он узнал сильно позже, Динь решила, будто ему с ней скучно и вообще она ему не понравилась.

Не понравилась! Да Павел потом пару недель не мог решиться на следующую встречу, боялся сорваться и всё испортить. С Динь нельзя было просто залезть в постель, потом вылезти и забыть, как он всегда предпочитал делать. Поэтому Павел изо всех сил держался роли хорошего приятеля и старался даже лишний раз не брать Динь за руку — его моментально простреливало с ног до головы, сразу хотелось плюнуть на всё и поскорее присвоить себе девушку, которая настолько ему доверяла.

Да, Динь ему доверяла — по крайней мере тогда. Но и не удивительно — Павел никогда ей не врал, только умолчал о своей реакции на неё, но это нельзя было назвать полноценным враньём. Его чувства — это его чувства, он не был обязан о них сообщать. И Павел просто общался с Динь, не

обманивая ни в чём. Встречались они с завидной регулярностью, гуляли, ходили в кино-театры-музеи, и Павел наслаждался каждой встречей. Ни с одной девушкой ему не было так интересно и комфортно, как с Динь. Она была спокойной и весёлой, не выносила мозг и не навязывалась, не вешалась на шею, и у них всегда были темы для разговоров. И всё было бы идеально, если бы Павлу не приходилось постоянно сдерживать свои неуместные, как он тогда думал, порывы. И радовался, что совсем не пьёт — иначе ничего из этой затеи не получилось бы.

Собственно, в итоге так и вышло. Их с Динь дружеские отношения продолжались около двух лет, а потом у неё случился институтский выпускной вечер. Вся её группа в количестве двадцати человек после торжественного вручения дипломов намеревалась отправиться на дачу к одному из однокурсников и уже там зажечь до утра.

— Ты тоже поедешь, да? — поинтересовался Павел незадолго до этого события и удивился, когда Динь помотала головой. — Нет? Но почему?

— Почти все будут парами, — улыbnулась она легко, но слегка смущённо. — Денис изначально так захотел, сказал, что разврат не приемлет, а если все будут со своими...

— Сомнительный аргумент, — засмеялся Павел, и Динь пожала плечами. — А тебе не с кем пойти? — Она кивнула, и он предложил неожиданно даже для себя: — А давай я с тобой поеду?

— Ты?..

Павел заметил, что Динь обрадовалась, но из вежливости какое-то время ещё упрямилась, однако в итоге он её уговорил. И в назначенный день отправился сначала на вручение дипломов — в костюме с галстуком, как и положено, — а потом поехал на дачу.

Там всё и случилось. Павел смотрел на Динь, безумно хорошенькую в светло-голубом платье и с заколотыми волосами, и ощущал себя каким-то маньяком. Прикоснуться хотелось до одури, до темноты в глазах и боли в ладонях. И не только прикоснуться...

А потом Павел всё же выпил бокал шампанского, поддался общему настроению, и всё — крышу окончательно снесло.

Они с Динь тогда немного отошли от остальных, собираясь посмотреть сад и бассейн, и в один прекрасный момент, когда она, стоя посреди выложенной мелкими камушками дорожки, глядела на дом и огни из окон отбрасывали на её лицо какой-то загадочный и манящий свет, Павел не выдержал. Подошёл, сгрёб в охапку и, прорывав что-то, впился в губы, чувствуя, как внутри словно взрывается фейерверк.

Как же это было сладко! И остро, ипряно, и хорошо до невозможности. Он раньше никогда не ощущал ничего подобного только от одного поцелуя и объятий. Хотя... поцелуй был не один. Павел целовал Динь множество раз, как путник, дорвавшийся наконец до родника, с какой-то дикой

жадностью, дуря от робкого отклика — мягких ладоней на своих плечах, тихих и рваных вздохов, неопытных движений нежных губ. Павла накрыло такой безоблачной эйфорией, что он даже не заметил, как притиснул Динь к какому-то дереву и запустил руку в лиф её платья, сжав грудь. Она идеально легла в ладонь, и у Павла в штанах едва не случился взрыв, когда он нащупал твёрдые и острые соски, стал ласкать их, а Динь в ответ задрожала и охнула, едва не осев на землю.

— Давай уедем отсюда, — прохрипел Павел, на секунду выпуская на волю влажные губы. — Сейчас.

— Куда, Паш? — прошептала Динь, почти невесомым движением погладив его по шее, из-за чего у Павла в глазах будто молния блеснула.

— Ко мне.

— К... — Динь запнулась на мгновение и неуверенно продолжила: — Но ты ведь не водишь к себе девушек...

Это было правдой — Павел в то время жил с матерью, не желая оставлять её одну после гибели отца, и не приводил никого в свою квартиру, предпочитая встречаться на нейтральной территории. Зная характер матери, он понимал — каждую девушку она будет рассматривать как потенциальную невестку, а это было слишком. Но сейчас...

— Тебя приведу. Динь... — Павел обвёл большим пальцем напряжённый сосок, и Динь застонала, откидываясь назад и словно подставляя под его ладони и грудь, и шею — и

вообще всю себя. — Пожалуйста, поехали...

Она не ответила, просто молча кивнула, и Павел сразу рванул к выходу.

Они тогда ни с кем не попрощались, убежав настолько стремительно, что никто ничего и не понял. И всю дорогу до дома Павел старался не гнать, колоссальным усилием воли пытаясь сохранить холодную голову, хотя это было непросто — Динь, такая соблазнительная в своей растерянности от происходящего, со сбитой причёской и слегка смазанным макияжем, была безумно притягательной. И если бы Павел не понимал, что у неё наверняка не было мужчины, он бы сделал всё ещё на пути домой, остановившись где-нибудь на обочине. И точно не один раз.

Мать, слава богу, уже спала, когда они ввалились в квартиру, и Павел тут же потащил Динь в душ.

— Но я... Но мне... — попыталась протестовать она, однако он пресёк все возражения резким:

— Вместе помоемся. Не волнуйся, приставать не буду.

Легко сказать! От вида обнажённой Динь, по плечам и груди которой текла вода, в голове у Павла совсем помутнело, а уж что творилось ниже пояса... Динь, с красными щеками, честно старалась туда не коситься, смущалась и закусывала губу — но всё равно смотрела. И это, пожалуй, было самым возбуждающим, что случалось с Павлом за всю жизнь — когда Динь в тот вечер стояла под душем и отводила глаза, но раз за разом возвращалась, а потом даже погладила...

Он толкнулся ей в руку и прохрипел:

— Всё, срочно вылезает.

А дальше...

Воспоминания, не стёртые даже временем, окатили горячей волной. Павлу казалось, что он помнит абсолютно всё — и то, как выгибалась она ему навстречу, как откликалась на каждое прикосновение, как целовала и ласкала, поначалу робко и нерешительно, но потом перестала стесняться, и Павел едва сдерживался, опасаясь повредить ей что-нибудь своим пылом. Он помнил собственное ликование оттого, что действительно оказался первым, и тесноту, и жар, и влажность желанной плоти, и полувздых-полустон Динь, когда Павел наконец сделал её своей. Той ночью он и не вспомнил про презерватив, хотя обычно никогда не забывал, будучи немного брезгливым — но только не с Динь. Её ему всегда хотелось чувствовать без преград и помех, всей кожей.

А утром, глядя на Динь, растрёпанную и безумно желанную — несмотря на то что уснули они лишь перед рассветом, долго и упорно лаская друг друга, — Павел прошептал, ощущая себя человеком, который вдруг научился летать:

— Я так люблю тебя, Динь...

В тот момент она открыла глаза, и он, переждав длинный и гулкий удар сердца, серьёзно спросил:

— Скажи, ты выйдешь за меня замуж?

Дина

Беременность сделала меня ленивцем. Раньше мне хватало семи часов, чтобы выспаться и быть бодрой, теперь же было мало и десяти. Я то и дело проваливалась в сон днём, спала и ночью. Лишь одно омрачало мой сон — чувство голода. Я частенько просыпалась посреди ночи и с вытаращенными глазами брела к холодильнику, пытаюсь сообразить, что бы такого съесть, дабы не разожраться до слоновьих размеров. И Игорь Евгеньевич, и Ирина Сергеевна предупредили, что слишком много лишних килограммов могут отрицательно сказаться на беременности, поэтому я старалась держать себя в руках.

Задремала я и в машине Павла, когда мы ехали в клинику. И снилось мне что-то яркое и хорошее, отчего-то закончившееся ласковым прикосновением к щеке и горячим шёпотом:

— Я так люблю тебя, Динь...

Я вздрогнула и проснулась. Распахнула глаза, сфокусировалась на окружающем и с облегчением выдохнула — да, это был всего лишь сон. Павел не прикасался ко мне, просто сидел за рулём — кажется, ждал, когда я сама проснусь.

— Приехали? — вздохнула я, отводя глаза. Посмотрела в

окно — мы были уже на парковке клиники.

— Приехали. До начала приёма ещё двадцать минут, можешь перекусить, если хочешь.

— Чем? — не поняла я, и Павел полез на заднее сиденье. Вытащил какой-то бумажный пакет и положил мне на колени.

Внутри оказались роллы из лаваша с красной рыбой и две маленькие бутылочки со смузи. Малина-ежевика и манго-маракуйя.

Рот моментально заполнился слюной, не оставляя шанса отказать. Как это делать с таким обильным слюнотечением?

И я всё слопала и выпила. И даже сказала «спасибо», не желая казаться совсем уж неблагодарной сволочью. А потом ушла на приём.

Меня немного колотило от волнения — мало ли, что могло случиться с малышом за две недели! — но Игорь Евгеньевич сказал, что всё отлично и по УЗИ, и по анализам. Назначения, правда, всё равно скорректировал, но это было понятно и привычно. Больше всего меня обрадовало то, что на УЗИ появился эмбрион — в прошлый раз было только плодное яйцо. Значит, растём и развиваемся!

Я была так рада, что словно не шла, а летела к машине Павла. Правда, медленно и осторожно — быстро я сейчас не хожу, не то состояние. А когда села внутрь, сразу заметила, как взгляд Павла из тревожного становится спокойным.

— Всё хорошо?

— Да, — я выдохнула и непроизвольно улыбнулась. Павел улыбнулся в ответ — и я тут же отвернулась. Я, конечно, рада, но не до такой степени, чтобы контактировать с бывшим мужем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.